

Роман Воликов

В ожидании революции

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Воликов
В ожидании революции

«Автор»

2024

Воликов Р.

В ожидании революции / Р. Воликов — «Автор», 2024

Эта повесть для тех, кто не испытывает никаких иллюзий в отношении процессов, происходящих в родной стране.

© Воликов Р., 2024

© Автор, 2024

Роман Воликов

В ожидании революции

Он досмотрел по телевизору новости про украинские события и пришёл к окончательному выводу: революция наступит неизбежно. Неизбежно означало через два-три года.

Он позвонил дочке:

– Твои планы поехать после третьего курса по обмену в Италию не изменились?

– Не изменились, – сказала Алиса. – Я сдала предварительный экзамен. Только пошли какие-то нехорошие разговоры про визовые ограничения.

– Приезжай к трём часам в кафе в Центральном доме художника.

– Привет, папа! – сказала Алиса и села за столик. – Как дела?

– Всё в порядке, ласточка. Работы много.

– На чью выставку сегодня пойдём? – беззаботно спросила дочка. В свои двадцать лет она была переполнена энергией и любопытством к жизни.

– Сегодня на выставку не пойдём, – улынулся он. – Есть серьёзный разговор. Ты едешь в Пармский университет? Когда?

– В Парму или в Турин, – сказала дочка. – Мне больше нравится Парма. В конце сентября.

– Давай поступим так, – сказал он. – Я наскребу к августу максимальное количество денег, к сожалению, не очень много, в нашей конторе сейчас платят плохо, но примерно пять тысяч евро соберу. Ты уезжаешь в Италию по туристической визе, остаёшься там до конца сентября. Если студенческий обмен сорвётся, устроишься на работу. Ты ведь хорошо изъясняешься по-итальянски.

– Что-то случилось, папа?

– Всё катится к чёртовой матери, – сказал он. – То есть, катится довольно давно, ещё до твоего рождения и даже до моего, но сейчас этот процесс приобрёл вполне конкретные очертания. Смутные времена лучше переждать в цивилизованной стране. Тебе же нравится Италия?

– Нравится, – сказала дочка. – Но если виза будет просрочена это нарушение. Меня могут выдворить.

– Нарушение не самое страшное, – сказал он. – Твоя задача не попадаться на глаза полиции. Кроме того, если я прав, получить статус беженки будет довольно легко.

– Тогда можно выйти замуж, – сказала дочка.

– Давай без крайностей. Замуж надо выходить по любви. Так что не торопись с этим делом.

В понедельник он приехал в институт ближе к обеду и сразу пошёл в закуток к начальнику.

– Привет, Колян!

– Чего опаздываешь? – спросил начальник. – Плохо себя чувствуешь?

– Отпуск хочу взять на пару недель, – сказал он. – У меня тут семейные обстоятельства.

– Бери, – равнодушно согласился Колян. – Заказ всё равно подвис. На отпускные не рассчитывай.

– Перебьюсь, – сказал он. – Понимаю ситуацию.

Их институт выиграл тендер на проектные работы по сооружению центральной кольцевой автодороги, но финансирование откладывалось уже который месяц. Других серьёзных заказов не было.

– Новая бухгалтерша вышла на работу, – сказал Колян. – Наш случай. Около сорока, разведёнка, упругая, глазастенькая. Рекомендую обратить внимание.

– Обязательно. После отпуска и займусь.

Вечером в пивном баре возле дома он разглагольствовал перед интеллигентного вида толстяком.

– Это начало конца – то, что происходит на Украине. Мандат, выданный историей Российской Империи, давно истёк.

– Полностью с вами солидарен, – сказал толстяк. – У нас сто пятьдесят миллионов бездельников, а тут ещё тридцать миллионов дармоедов из Юго-Восточной Украины присоединятся. И все с претензией: мы – Донбасс, мы – оборонная промышленность. Пенсии нам давай, социальные льготы. Только кому их харьковские танки в наше время нужны.

– Нефтяных доходов на всех не хватит, – сказал он. – А с учётом нашего воровства и надеяться бессмысленно. У Путина не останется выбора: только ввести военное положение, отгородиться от всего мира высоким железным забором и помахать ядерной дубинкой. Когда вокруг одни враги, можно рассчитывать на единение душ. Давнишняя православная общинная логика. Только народ нынче другой. Не потерпит царя, как его не обзови. Вот тут бедлам и начнётся.

– На счёт народа в корне не согласен, – сказал толстяк. – В нашей стране семьдесят лет методично уничтожали генофонд, чмырили, травили, миллионами кидали в жерло войны. Что мы получили в результате: быдло правит быдлом. Заметьте, из всех волн эмиграции почти никто из порядочных людей так и не вернулся. Считанные единицы. Солженицын, например, приехал, бороду отрастил, думал, новым Львом Толстым станет. Не стал, никто его слушать не захотел. Так и помер в забвении.

– Он разве умер? – сказал он.

– Вот и я говорю, – сказал толстяк. – Встанет наш добрый народ в очередь за колбасой, море в Крыму есть, Сочи теперь высочайшим повелением вообще суперкурорт. Паёк есть и, слава богу, можно дальше баклуши бить.

На следующий день он приехал в Наро-Фоминск, проверить бабкин дом. В доме он был последний раз лет пятнадцать назад, бабка ещё была жива, он ещё жил с женой, они с дочкой ходили в лес за дикой малиной. Дом стоял тёмный, с покосившейся крышей, но стекла были целые. Он снял бесполезный проржавевший навесной замок с двери и вошёл. На него пахло пылью и паутиной. «Крыша вроде не потекла, – подумал он. – Отмыть, обои поклеить, жить можно. Дрова надо будет купить».

– Кто там? – услышал он старушечий голос.

Он вернулся на крыльцо.

– Здравьете, тётя Паша! Это – я.

– Серёжа?! – старушка подслеповато смотрела на него. – Давненько тебя не было. Поседел ты, милый. Наследство приехал проверить?

– Да, – с натянутой улыбкой сказал он. – Я здесь, пожалуй, поживу. Надоела городская жизнь.

– Это правильно, – сказала тётя Паша. – Дому хозяин требуется, дом без хозяина чахнет.

К вечеру он закончил уборку и затопил печку. Стало тепло и уютно. Он достал карманный калькулятор и занялся расчётами.

Квартиру продам за полцены, тысяч за тридцать бакселей. Надеюсь, что уйдёт быстро. Пройдусь по банкам, попробую получить потребительский кредит. Роба у меня благопристойная, биография чистая, десятку в общей сложности настроляю. Можно оформить машину в кредит, потом умельцам на разбор продать, слышал, есть такие. Они, красавцы, документы вряд ли потребуют. Это ещё десятка, пожалуй.

Пятьдесят тысяч долларов, не так плохо. Половину наличными отошлю дочке, когда она в Италии устроится. Она девочка разумная, не просрёт. На вторую половину куплю золото. Золото в дикие времена важнее, чем деньги.

Прямо как в кинофильмах про гражданскую войну, невесело подумал он, золото да брюлики меняли на хлеб да сало. Не ожидал я, что к такой жизни готовиться придётся.

«Не кисни!» – сказал он вслух. Ждал, не ждал, эх, спиздить бы где-нибудь тысяч двести-триста баксов, свалить в тёплую страну, жить на пляже и бананы жрать. Не тому я в институте учился...

С работы он решил не увольняться. Тоже копеечка, на прокорм. Колян, начальник, был мужик свой, сто лет знакомы, привередничать не стал: «Ты заходи для приличия раз-другой в неделю. Где приработок-то нашёл? Позвал бы старого товарища, а то меня Ленка совсем запилила, деньги ей давай, деньги».

– Постепенно позову, – ловко ответил он. – Там, понимаешь, всё нелегально, «в чёрную», лишних глаз не любят. Меня по большой протекции пристроили.

– Ну, ладно, – сказал Колян. – Если надо, я хоть днём, хоть ночью. С бухгалтершей новой познакомился? Юля зовут. Хорошая баба, глаза так и блестят.

– А вот сейчас и познакомлюсь, – сказал он и отправился в бухгалтерию.

Юля сидела за компьютером и рассматривала фото морских пейзажей.

– Как вы относитесь к американскому кинематографу? – спросил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.